

МИР ЮОЗАСА ГРУШАСА

«Тайна Адомаса Брунзы» — так называется сборник пьес Юозаса Грушаса, выпущенный в Москве издательством «Советский писатель».

Сегодня своими размышлениями об этой книге литовского драматурга делится с читателями «Советской Литвы» известный деятель театрального искусства В. Комиссаржевский.

СРЕДИ громадных гипсовых фигур бродит угрюмый человек, воскрешая прошлое...

Комфортабельный особняк, набитый дорогими вещами. В нем бескорыстные соседствует с алчностью.

Кулисы театра, арена цирка, и на ней — одна из трагических клоунад XX века.

И иные века: XIII, доносящий до нас жар битвы волиных пруссов с крестоносцами.

От чердака до гигантского исторического пространства — таков мир произведений Юозаса Грушаса. В нем светлые, как песня о зеленой руте, женщины с певучими именами — Беатриче, Аугуста, Кристина и столь же высокие душой и помыслами рыцари разных времен ведут бой... с чертом.

Разумеется, князь тьмы не похож здесь на тех чертенят, что столпились в уютном музее Каунаса. У него большой набор разнообраз-

ных масок. В давней пьесе Ю. Грушаса «Любовь, джаз и черт» — это недоучившийся подонок по имени Андриус со своими приятелями. В них литовский мастер одним из первых рассмотрел то опасное племя «аликов», (как назовет их позднее А. Вампилова), что заполняют вакуум своих душ золотыми девизами «вседозволенности». А дальше множество метаморфоз «сатаны» вплоть до таких мощных исторических персонажей, как Яго времен Швитригайлы — и дипломатический агент и вор, изворотливый бес Заремба или узурпатор Жигимантас, что умел сочетать изысканные любовные сонеты с варварской жестокостью и вероломством.

Порой «черт» оборачивается непомерной человеческой гордыней, греховной страстью, малодушием, жестокосердием. И тогда полем сражения становится душа человека. В этом тайна Адомаса Брунзы — художника, что, не выдержав пыток, предал во время немецкой оккупации друга и потом сам казнил себя за это, создав прекрасную скульптуру вы-

данного им поэта. В этом противоборстве Адомаса Первого с Адомасом Вторым автор утверждает победу лучшего в человеке.

Мир Ю. Грушаса полон надежды и веры. Этот причудливый мир одновременно прост и фантастичен. «Фантастическое и обыденное равноправно соседствуют, а иногда и сменяют друг друга», — так комментирует одну из своих пьес сам автор. Быть может, самая пронзительная страница его драматургии. — это сцена, в которой школьница Беатриче по приказу ведущей учебной частью повторяет свое проникновенное признание в любви, записанное в дневнике, который был обнаружен, пока не доходит до нервного шока. В клинике, куда ее помещают после потрясения, все Бета видит ту же безжалостную учительницу. Старая дева, облаченная в венчальный наряд, неожиданно признается, что мечтала сказать кому-нибудь те слова любви, за которые так мучила девочку в классе. Это — своеобразный прием раскрытия характера.

Ю. Грушас необычайно театрален. Он влюблен в театр, актеров, во все жанры — от мелодрамы до трагедии, влюблен в самую возможную при магическом свете театральных прожекторов столкнуться героев в бурных поединках, либо дать им воз-

можность излить свою душу в пространных монологах. Здесь его подстерегает некоторая опасность: пылкое красноречие иногда переходит в риторику, увлечение эффектною неожиданных поворотов характеров — в несовместимость их сути с их поступками.

Однако «театральный воздух» комедий Ю. Грушаса так живителен, увлечение его театральной игрой столь искренне и просто, что мы забываем об этом и к финалу, скажем, «Угара», где монологи из Шекспира и Шоу уживаются рядом с детективом и мелодрамой, приходим все же очарованными поэзией театра, преподавшей нам незаметно нравственный урок.

Мы получаем его не только на примере судьбы знаменитого артиста Томаса Бутенаса, разменявшего свой дар на мелочь суетной славы и неминуемо идущего к катастрофе, но и от знакомства с его женой Аугустой.

Нужно очень хорошо знать театр, чтобы так написать эту женщину, которую и не заметишь в толпе, но которая столь покоряюще расцветает на сцене. Таково свойство больших актрис. Как она бьется за Бутенаса, как своим вечным беспокойством будоражит художественную совесть труппы! Это как бы продолжение Беатриче, «цепкая реакция добра»!

Вслед за театром — цирк!

Впрочем, цирк в данном случае всего лишь метафора буржуазного мира. Жаль, что в этой «парадоксальной комедии», где открываются увлекательные возможности политической и философской клоунады, так много места отдано символическим и меланхолическим метаниям клоуна между его женой Аполонией (вероятно, его муза?) и цирковой наездницей Джени (вероятно, его любовь).

Впрочем, это, может быть, зависит от перевода. Нельзя недооценить заслуги И. Д. Оттена, который представил нам пять из восьми пьес сборника. Но в переводе «Цирка» явно не хватает юмора, свойственного оригиналу, и той простоты и ударности реприз, что отличают собой клоунаду, язык всего современного сатирического цикла Ю. Грушаса.

Особое место в книге занимает драма «Огонь». Настоящее так тесно переплетено в ней с прошлым, что она естественно становится как бы мостом, по которому мы перейдем затем в мир, где горит огонь его исторических трагедий.

Ее антигерой Мотеюс Бартакс — старый инженер, начальник строительства ГЭС. Но действие пьесы до последней картины происходит в его богатом доме, где он держит, будто в плену, свою молодую жену, где царствует его старуха мать, которая

стережет невестку и погубит ее, когда углядит любовь юной Агне к пасынку. Пройдет время, и этот страшноватый дом окажется на дне моря, его будут вспоминать, как дурной сон. Но тогда уже не останется Агне, сгоревшей в огне изуверских суеверий и запретов.

Начало драмы не лишено иллюстративного многословия, но затем, попадая в сферу народного фольклора, она разгорается все более и более — пламенем трагического действия, находя впечатляющее решение в финальной сцене ночного ледохода, когда на дамбе окончательно разоблачает себя корыстолюбец Бартакс и где восторгается огонь братства людей, понимающих, что «человек состоит из души, тела и знания».

Мир Ю. Грушаса! В последней части книги мы доходим до вершины, до его народных трагедий. Я убежден, что современная литовская историческая драма — триптих Ю. Марцинкявичюса и такие шедевры Ю. Грушаса, как его «Швитригайла» и «Барбора Радвилайте», принадлежат к лучшему, что создано сегодня мировой драматической поэзией.

Ю. Грушаса привлекает история Литвы в грозные часы ее рождения в кровавой купели междоусобиц, мятежей и войн. В этом крутом заме-

се времен рождаются такие фигуры, как Швитригайла — великий князь литовский. Он бежит от жестокостей и совершает их, мучает и мучается, ибо не знает, как иначе сохранить свою святую — Литву.

Этот «зубр литовской чашки» являет собой характер вздыбленный, неожиданный, сотканный из необузданных порывов и тихих минут понимания, подозрительности и доверия, нравственной слепоты и прозрения, слабости обыкновенного человека и душевной силы национально-го лидера.

Эта же светотень шекспировских заветов определяет собой суровую живописность всех остальных персонажей в многофигурной композиции исторических трагедий Ю. Грушаса. В профессиональном шпионе и соблазнителе Зарембе, на первый взгляд, «не сыщешь пятен». Таким непорочным выглядит этот мастер гнуснейших интриг. Рядом с ним воины и духовники, палачи и возлюбленные. И все они кажутся не теми, что есть, и каждый из них проходит свой сложный путь.

А дальше, за ними, столь же выразительный и по силе характеров, и по «высоковольности» сценической борьбы — мир «Барбора Радвилайте», «Любовь» — враг королей», — предостерегает Шут Сигизмунда-Аугуста, полюбившего женщину некоролевского рода. «Я — человек», — отвечает ему король. «И человек — враг королей», — тотчас же парирует Шут.

Здесь начало всего: как ни

исполнены многих человеческих доблестей возлюбленные, им не осилить могущественную королеву-мать Бону, ни архиепископа, ни сейма, ни всей дворцовой, в сущности, ими же созданной политической системы, для которой человеческая любовь — лишь песчинка, на минуту задержавшая неумолимый ход точно рассчитанной машины.

«Засохли бы династии, величия лишились бы престолы, если б в браке государи вступали по любви». «Все прогрессы реакционны, если рушится человек». Эта строка Андрея Вознесенского довольно точно выражает пафос гуманистической концепции истории Ю. Грушаса. Ценой всех предательств Швитригайла, казалось бы, получил право беспощадно расправиться с врагами Литвы, и все-таки, не смотря на всю высоту его целей, ни простояли на дорогах войны, ни женщина, которую он любит, не простят ему крови. «Колокола ты слышишь?! О любви они нам возглашают!.. Можно лучше жить!..».

Барбора Радвилайте и король Сигизмунд-Аугуст пошли на этот звон колокольный, забыли пророчества Шута и, несмотря на неистовую битву за право любить, потерпели поражение. Но не потерял веры в то, что «добро должно быть сильным, а сила доброй», что никогда «не умрет любовь» и не погаснет человеческий разум, сам Юозас Грушас — поэт, комедиограф и историк.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ,
заслуженный деятель искусств РСФСР.